

Лиза Грин

Хижина из яблочной косточки

Лиза Грин

Хижина из яблочной косточки

«Автор»

2026

Грин Л.

Хижина из яблочной косточки / Л. Грин — «Автор», 2026

Что если единственный дом, который нельзя потерять - это душа другого человека, ставшая твоей? Пьер живёт во Франции XV века. Он носит гвоздь под языком, слышит язык домов и умеет их лечить. Спустя двадцать лет он возвращается в Верден-сюр-Лу, чтобы узнать, что случилось с его сестрой. На руинах родного дома он находит письмо от незнакомки: «Построй мне дом, и я расскажу правду». В Лионе 2042 года Лисетт работает в Институте прикладной ностальгии. Она вживляет истории в память пациентов и создаёт персонажа из собственной боли. Но происходит невозможное: персонаж осознаёт себя и требует ответа. Лисетт должна либо уничтожить его, либо совершить то, чего ещё не делал никто. «Хижина из яблочной косточки» — это история о том, как далеко может зайти любовь. О границах, которые мы боимся переступить, и о тех, что растворяются добровольно. О создателе и творении, которые прошли путь длиной в шестьсот лет — от печатного станка Гутенберга до нейро-имплантов, — чтобы в конце найти друг друга.

© Грин Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Вкус ржавчины	5
Глава 2. Хижина - раковина	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Лиза Грин

Хижина из яблочной косточки

Часть 1. Вкус ржавчины

Посвящается тем, кто ищет свой дом.

Пролог

Пьер носил своё имя, как старый, тяжелый плащ, - бережно и не желая его снимать. В Средние века люди легко обзаводились новыми именами: давали обеты, бежали от чумы в другие города, меняли профессии. Имя было одеждой — снашивалось, менялось, перешивалось. Но Пьер держался за своё так же крепко, как и за свою память.

Зато прозвищ у него было столько, сколько городов он успел покинуть.

В каждом городе, где он побывал, ему давали новое — и он не спорил. Он знал: прозвище — это не имя. Это след, который ты оставил. А следы бывают разными.

Слава его шла впереди него, опережая его собственную, медлительную тень. Говорили, что он Строитель Звезд, потому что возводил хижины в форме созвездий.

В Сен-Мало-Дормане его называли Слушающим Стены, потому что он мог часами стоять, прижав ладонь к камню, и слушать. Потому, что стены в этом городе помнили музыку первых людей.

А в одном горном селении, затерянном среди туманов, его до сих пор вспоминают как Зеркальщика — хотя он никогда не делал зеркал.

В Верден-сюр-Лу прозвали его Молчальником — за гвоздь, который он всегда носил с собой. Дети шептались, что гвоздь этот — талисман, но Пьер не поправлял их. Он вообще редко поправлял чужие вымыслы, ибо сам любил присочинить. Правда казалась ему слишком голой, как недостроенная стена, и он часто обшивал её досками небылиц.

Он мог сказать, что построил хижину за одну ночь, хотя на самом деле возился неделю. Мог намекнуть, что кот заговорил с ним на человеческом языке. Впрочем, насчёт кота он, возможно, и не врал. Средневековье было временем, когда звери ещё говорили — нужно было только уметь слушать.

Но была одна правда, в которой Пьер не смел ошибаться. Он знал то, что в его время знали немногие: дом и человек связаны, как душа связана с телом. Если в семье годами не говорят о важном, в углах заводится эхо, и по ночам там воет сквозняк. А домочадцы — болеют простудой. Если кто-то умирает, а его не оплакивают, фундамент проседает, и дом начинает крениться. Если ребёнок растёт в страхе, его комната незримо сужается, и к совершеннолетию там едва хватает места, чтобы дышать.

Пьер умел это видеть. И умел исправлять.

В Средние века к таким людям относились настороженно. Эпоха была тревожная. Человек, который разговаривает со стенами, рисковал прослыть одержимым. Человек, который лечит дома, — колдуном. Но Пьера не пытались сжечь. Может быть, потому что после его ухода жизнь домов и их обитателей действительно налаживалась. А может быть потому-, что он умел рассказывать истории. Сам Пьер называл их сказками. Это были истории из жизни домов, и их обитателей.

Время вообще было сказочное. Знахари заговаривали болезнь длинными стихотворными напевами. Священники читали проповеди, находя новые грехи, в старых писаниях. А больные

исповедовались в надежде, что слова вытянут из тела грех, а заодно и недуг. И на этом фоне Пьер казался не таким уж и странным.

Случайностей не существовало. И Пьер тоже искал смысл во всём — в трещине на балке, в скрипе половицы, в том, как ложится свет на стену. Но в отличие от современников, он искал смысл не в писании, не в святой обители, а в человеческой. Он верил: дом знает правду о своих жильцах. И если эту правду услышать, можно исцелить не только стены.

Когда он приходил в новый город, поначалу он не говорил ни слова. Он шёл к самому старому дому, клал ладонь на холодный камень и закрывал глаза. Пьер слушал. И дом рассказывал ему о городе то, чего не знали люди: о том, где были спрятаны клады, о том, кто кого предал, о том, в каком доме поселился призрак, а в каком ночуют ангелы.

Своим главным недостатком Пьер считал - трусость. Двадцать лет назад от так испугался за свою жизнь, что натворил дел и с тех пор этот страх пропитал его, как сырость пропитывает старый фундамент. Из-за этого он стал мнителен. Он мог неделями ходить вокруг города, не решаясь войти в ворота, потому что в каждом косом взгляде горожан ему чудился упрёк, а в каждой закрытой двери — отказ, который он заслужил четверть века назад.

И всё же, когда он решался войти, он делал это, как будто строил мост между тем, что было, и тем, чему ещё предстояло случиться. В этом и заключалась его суть, его тихая домашняя магия.

Самой странной из его построек — из тех, что он уже возвёл, — была хижина в городе Монт-де-Фантом. Город стоял на болотах, и туда редко заглядывали чужаки. Местные жители страдали одной общей бедой: все они видели сны. Не обычные сны — а одни и те же. Каждую ночь всему городу снилось, что кто-то ходит по улицам и заглядывает в окна. Никто не мог описать лица, но все знали: этот кто-то — он тень.

Пьер прожил в Монт-де-Фантоме месяц. Он не искал тень — он строил свет. Хижина, которую он возвёл на центральной площади, походила на фонарь. Внутри неё день и ночь горел огонь, но не простой, а такой, что отбрасывал тень не наружу, а внутрь себя. Если человек заходил в хижину и стоял там достаточно долго, его тень начинала угасать. А вместе с ней угасал и сновиденный гость, что заглядывал в окна.

Горожане прозвали постройку домом, который Светит Внутрь. А Пьера с тех пор стали звать Человек - фонарь. Это было, пожалуй, его любимое прозвище, хотя он никому об этом не говорил.

Эпоха менялась, и мир спешил. Где-то в далёких городах, за густыми лесами, люди собирали диковинные машины — тяжёлые станки, что штамповали буквы на бумаге. Говорили, что теперь любое слово можно размножить тысячами копий, сделать его дешёвым и доступным каждому. Но Пьер, узнав об этом, лишь плотнее закутылся в свой старый плащ. Для него слово не было чернилами, которые можно размазать по листу. Слово было камнем. Оно должно было рождаться в горле, звучать в воздухе и ложиться в стену, становясь частью дома, разделяя с ним и жар, и холод. Печатная буква казалась ему мёртвой — лишённой тени, лишённой голоса, навсегда оторванной от земли. Машина забирала у слова его вес. Поэтому он и предпочитал старое живое слово, которое звучит в нужное время в нужном месте и поэтому исцеляет.

Поговаривали что Пьер знает слова, с помощью которых можно построить не только дом, но и собственный мир. И тем самым в одночасье изменить свою жизнь навсегда.

Но никто и никогда не слышал от него этих слов, кроме одной женщины, которая однажды написала ему письмо.

Глава I. Звезды

«Если бы меня спросили, чего я боюсь больше всего, я бы ответил – вернуться в этот город. Я знаю, какие на ощупь счастливые стены, я знаю, как вздыхает уютная крыша под дождем, я знаю почему плачут дверные петли, но я до сих пор не знаю, каково это – вернуться сюда.»

Пьер.

Город Верден-сюр-Лу дремал у излучины реки, как голодный кот у холодного очага. Его колокольня, покосившаяся набок, бросала тень на рыночную площадь — ту самую площадь, где когда-то сжигали колдунов. Теперь здесь плясали шуты в потрёпанных масках, словно сшитых из чужих лиц. Их смех звучал глухо, будто доносился из-под земли, а лица горожан были бледными и отстранёнными.

Он появился в городе в самый разгар унылого карнавала.

Вы бы заметили его сразу — высокий, худощавый, с красивым, задумчивым лицом, словно он постоянно всматривался во что-то внутри себя. Его длинный плащ был потёрт, но кое-где расшит золотом, звёздами и существами, похожими на птиц. Закатанные рукава открывали крепкие руки, покрытые шрамами - будто старое дерево, по которому поколения влюблённых вырезали свои имена. За спиной у него висел дорожный мешок. Из него торчали обломки стропил, скрученные верёвки и что-то, напоминающее свёрнутый пергамент.

— Пьер, — представился он трактирщику, выкладывая монеты с потёртыми ликами королей. — Какое сегодня число? - голос его звучал тихо, но твёрдо.

Трактирщик, коренастый, с лицом, напоминающим треснувший кувшин, хрипло рассмеялся:

— А что? Двадцать первое. Месяц июнь.

Пьер молчал.

— Надолго к нам? — буркнул хозяин, оценивающе оглядывая путешественника. Его глаза, узкие, как щели под дверью, задержались на странных инструментах, привязанных к поясу. Один — круглый, как луна, с делениями и одной стрелкой, второй напоминал стеклянный молоток с пузырьками ртути внутри.

— Пока не разберусь со старыми стенами.

— Архитектор?

— Нет. Строитель.

Трактирщик выставил перед ним тарелку грибного салата и бутылку яблочного сока. Напиток был мутным, с осадком, напоминающим речной песок.

— Пей, да не проливай — а то духи допьют... Был тут у нас один архитектор. Звали его то ли Патрик, то ли как тебя - Пьер. После его работы половина города, как в гнилой погреб провалилась. А оставшиеся дома... — он мотнул головой в сторону окна, где стены зданий действительно хранили следы серьезных повреждений. — Теперь у нас двери сами открываются в полночь. И не спрашивай — для кого.

Пьер медленно выпил напиток. Вкус был странным, но привычным — яблоки, с примесью ржавчины.

- Говорят у него была колдовская книга, по которой он строил свои дома. Говорят она была проклята, поэтому дома его долго не стояли.

- Где теперь это архитектор?

Трактирщик наклонился ближе. От него пахло забродившими плодами и старыми страхами.

- Однажды он пропал... Говорят выпил много эля и утонул в болотах. А может просто сбежал из города. Только его тело так и не нашли.. как и его чертову книгу. Отец Перрен искал ее, все прихожане ему помогали, перевернули весь его дом. Но она словно испарилась вместе с ним.

Пьер слушал молча и доедал салат.

— Почему именно наш город?

— Потому что здесь дверные петли плачут на старый лад.

— И?

— И это всё, — сказал строитель. Достал из кармана что-то острое, блеснувшее металлом и положил под язык.

*

На следующий день он уже копошился среди «кладбища домов» — на пустыре за городом, у самого леса. Здесь громоздились остовы старых построек: покосившиеся балки, трухлявые доски, обломки фундамента.

Пьер разбирал завалы неспешно, без лишних движений. Иногда он останавливался, клал ладонь на старую балку и замирал — словно слушал.

Аннет, девочка, торгующая яблоками, появилась откуда-то со стороны леса. Она единственная в Верден-сюр-Лу не боялась чужаков.

— Ты что, дом строишь? — крикнула она, запрыгивая на груду старых досок.

Пьер выпрямился, и его глаза стали янтарно-золотистыми.

— Наоборот — разбираю, — ответил он, вынимая гвоздь изо рта.

— Зачем?

— Чтобы увидеть то, что за ними.

Аннет фыркнула, подбрасывая яблоко в воздух:

— Здесь все стены кривые. Даже в мэрии!

— Потому и важно. Кривые стены — как ложь. Их нельзя выпрямить — только разрушить.

Девочка серьёзно посмотрела на него, и Пьеру показалось, что глаза у нее древние, как у старухи. Она швырнула ему яблоко. Пьер поймал и ощутил — оно тёплое, как живое.

— Ешь, — сказала Аннет. — Они из сада, которого никто не помнит. Бабушка говорит: если съесть такое, увидишь вещи, которые никто не видит.

Он надкусил. Вкус ударил в виски — ржавчина, мёд и что-то ещё... что-то, похожее на привкус школьных чернил.

Аннет засмеялась:

— Ну что, видишь?

Пьер хотел ответить, но девочка уже была далеко. До него донеслись лишь слова её песенки:

белой оградой сад обнесён...

белой звездой сад освещён....

мальчик да девочка в сад забрели...

яблоки красные с веток.. нарвали..

Он остался один среди обломков. Солнце клонилось к закату, и длинные тени от старых балок ложились на землю, как тень от лестницы в потусторонний мир. Пьер провёл рукой по одной из них — и замер. На торце балки, полустертые временем и непогодой, виднелись две буквы: «П» и «А», вырезанные когда-то детским, неровным почерком. Он провёл по ним большим пальцем — медленно, почти не дыша. Потом взял балку и отложил в сторону. Отдельно от остальных.

Он продолжил разбирать завалы до самой темноты. Когда взошла луна — ее свет — бледный, хрупкий упал под ноги и Пьеру показалось что это конверт. Вернее, то, что можно было назвать конвертом, лишь если вы поэт. Сложенный вчетверо лист света — именно так он выглядел: не бумага, а сгусток лунного сияния, каким-то чудом сохранявший форму. Пьер поднял его. Тот был невесомым, но от него исходило тепло.

Он развернул.

Почерк был женским — тонким, летящим, словно буквы не шли по строке, а танцевали над ней:

«Построй мне дом. У меня никогда не было своего, и я не знаю, как это. Ты знаешь. А я расскажу тебе, что случилось с твоей сестрой».

Подписи не было.

Пьер перечитал письмо. Перечитал ещё раз. Гвоздь под языком стал ледяным.

Он не знал этого голоса. Никогда не слышал. Но где-то под рёбрами что-то отозвалось — глухо, как колокол, который ждал этого удара много лет.

Он аккуратно сложил письмо и спрятал в дорожный мешок.

*

В полночь строитель собрал все разобранные балки и поджёг. Костер вспыхнул, словно горел пятиэтажный дом. Когда синее пламя достигло неба, он выплюнул в огонь яблочные косточки — и над Верден-сюр-Лу впервые за много лет загорелись звёзды.

Сначала одна — робкая, дрожащая, как слеза. Потом вторая. Третья. И вот уже всё небо над городом мерцало, и свет их был таким же нежным и трогательным, как цвет лаванды в заброшенном поле.

Горожане высыпали на улицы. Кто-то плакал. Кто-то кричал. Трактирщик стоял на пороге и держался за дверной косяк, потому что не мог поверить.

Но Пьер уже не смотрел на небо. На мгновение — лишь на мгновение — ему почудилось, что среди кособоких стен мелькнула тень. Она стояла неподвижно в дверном проёме и смотрела ему в глаза. А потом она пропала, как исчезает пар над чашкой горячего чая.

Огонь погас. Звёзды остались.

Пьер стоял у пепелища до рассвета и впервые какое-то время не чувствовал вкуса ржавчины во рту. Вместо неё было что-то новое — горьковатое, как полынь, и сладкое, как обещание.

Пора было начинать .

Глава 2. Хижина - раковина

«Входи. Здесь тебя уже ждут.»

— надпись на старой двери в Верден-сюр-Лу

Здесь кончался город и начинался лес. Здесь птицы пели так тихо, словно боялись разбудить друг друга. Ветки деревьев, повязанные выцветшими ленточками, шевелили листьями, будто перебирали чужие молитвы.

Здесь, на этой границе, стояла первая хижина Пьера.

Она была похожа на гигантскую морскую раковину — её спираль закручивалась против солнца, будто втягивая в себя время. Вместо двери в стене зияло отверстие — девичий профиль, вырезанный в камне. Высокая линия лба, курносый нос, пухлые губы, которые, казалось, вот-вот дрогнут и что-то скажут.

Старый угольщик, проходивший мимо с мешком угля, остановился и замер. Он долго всматривался в темноту проёма. Его пальцы, испачканные сажей, дрожали.

— Это не дверь, а ловушка для снов. Войдёшь — проснёшься в чужой памяти.

— А если не входить? — спросил Пьер и провёл рукой по краю проёма. Камень был тёплым, почти горячим, хотя солнце ещё не поднялось.

— Тогда память сама войдёт в тебя. Через глаза.

Угольщик перекрестился и ушёл, не оборачиваясь.

*

По городу уже ползли слухи.

Трактирная завсегдательница мадам Люшон клялась, что видела, как изо рта Пьера выпал ржавый гвоздь. Старый библиотекарь утверждал, что в полночь застал строителя за беседой со зданием библиотеки: «Он говорил с ней, как с живой. И библиотека отвечала — стены скрипели».

Но самые странные истории рассказывали дети.

— Вчера ночью у той хижины... пели стены, — мальчик-рыбак затягивал узел на сети, будто связывал правду с вымыслом.

— И ещё... там кто-то стоял. Возле стены, — добавила его сестра, выжимая мокрые волосы.

Пьер, собиравший ракушки на берегу, замер. Одна ракушка выпала из его пальцев и разбилась о камень.

— Кто? — спросил он, и голос его дрогнул.

Дети переглянулись.

— Девочка, — сказал мальчик. — Лет четырнадцати, может, меньше. Она была как отражение в воде. Вроде есть, а тронешь — разойдётся кругами.

— И пахло от неё, — добавила девочка, наморщив лоб, — корицей. Или розмарином. Как от хлеба.

Пьер отвернулся. Он смотрел на реку — туда, где вода встречается с небом. Пальцы сами потянулись к дорожному мешку, где под книгой «Магическая архитектура» лежали два предмета: письмо — сложенный вчетверо лист света, и старая деревянная буква «А», гладкая, отполированная за много лет его пальцами.

Когда-то он вырезал целый алфавит. Для той, что хотела научиться писать. Долгими вечерами, пока она сидела рядом и смотрела, как нож оставляет в дереве засечки. «А» — это Аделина, август, ангелы... говорила она. «Б» — это брат, берег, бог. Она не просто произносила буквы — она населяла их существами, как заселяют дом.

Теперь буквы уходили одна за другой. Он оставлял их в городах, в которых останавливался, в домах, которые лечил — под порогами, в оконных пазах, в фундаментах. С каждой отданной буквой становилось легче дышать. Но и помнить становилось труднее. Он боялся, что однажды отдаст последнюю — и забудет её лицо.

«А» он берёт дольше всех.

*

На закате к хижине подошёл незнакомец. Высокий, в чёрном плаще, с тростью, увенчанной крошечными часами. Их стрелки не двигались — дрожали на месте, будто прищипленные к одному и тому же мгновению. Глаза незнакомца были скрыты тенью от широкополой шляпы, но Пьер почувствовал: этот человек пришёл не из любопытства.

Он долго разглядывал хижину-раковину. Молча обошёл её, постучал тростью по камню, заглянул в проём с девичьим профилем.

— Раковина, — произнёс он наконец. Голос был тихим, вкрадчивым, без единой резкой ноты. — Интересно. Очень... интересно.

Он потрогал край проёма кончиками пальцев.

— У этого известняка неправильная пористость. Через год-два он начнёт крошиться. Особенно в дождь. Вы ведь знаете, какие здесь дожди?

Пьер молчал.

— А спираль? — Барон указал тростью на завиток. — Закручена против солнца. Это красиво. Но вы знаете, что такая спираль вытягивает холод? Здесь будет ледник. Строить надо было по часовой стрелке. Впрочем, — он помолчал, — видимо, вы не строитель. Вы просто архитектор.

— Я строитель, — сказал Пьер.

— Вот как? Странно.

Пьер сжал гвоздь в кулаке так, что тот вонзился в ладонь.

Барон сделал паузу, разглядывая девичий профиль.

— А это что? Лицо. Чьё, позвольте спросить?

— Это не важно.

— Важно. — Барон наклонился ближе. — Потому что лицо в проёме — это не дверь. Это похоже на надгробие.

Пьер выдержал взгляд.

— Это дом памяти. Для моей сестры. Она пропала здесь двадцать лет назад. Это всё, что я могу для неё сделать.

Барон помолчал, потом провёл пальцем по каменному завитку спирали.

— Хорошо. Пусть так. Но почему раковина?

Пьер не ответил сразу. Он смотрел на спираль, уходящую против солнца, и перед глазами встала другая спираль — маленькая, перламутровая, на детской ладони.

— Она любила собирать ракушки, — сказал он тихо.

Повисла тишина. Барон смотрел на него и впервые не нашёл, что сказать. Его пальцы на набалдашнике дрогнули. Часы на трости замерли — ни движения вперёд, ни назад.

— Вот как, — произнёс он наконец. Голос звучал иначе: без яда, почти задумчиво. — Значит, не архитектура. Значит, личное.

— Архитектура всегда личное, — сказал Пьер. — Просто не все это видят.

Барон откланялся, но уже уходя развернулся.

— Память — это вода. Она просачивается сквозь любые стены. И однажды она размочит всё.

Строитель ничего не ответил.

*

В ту ночь Пьер не спал.

Он стоял у проёма в стене, прижав ладонь к камню, и слушал, как ветер гуляет по краям профиля. Ему чудилось — камень вот-вот заговорит. Что губы дрогнут и произнесут его имя.

— Я не справился, — прошептал он. — Я не могу вспомнить.

Стена молчала. Потом где-то в глубине спирали что-то дрогнуло — глухой, низкий гул, похожий на вздох.

И запах. Корица или розмарин. Тонкий, почти неразличимый, но Пьер узнал его сразу. Он вдохнул глубже — и запах не исчез. Он остался, обволакивая, тёплый и щемящий, как воспоминание, которое не можешь ухватить.

— Ты здесь? — прошептал он стене.

И мелодия, старая, полузабытая, потекла из камня...

«— Кто тут срывает лунный налив?

— Кто тут качает ветки в ночи?

— Не мы срываем, ветер срывает.

— Не мы качаем, совы качают...»

Он слышал её раньше. Много раз и как будто даже знал наизусть, но теперь, как ни старался, не мог вспомнить продолжение...

— Я боюсь, — сказал он камню. — Боюсь вспомнить. И боюсь забыть.

Он зажмурился. Перед глазами встало лицо в веснушках — размытое, как отражение в воде. Тёмные длинные волосы. Губы, беззвучно поющие песенку...

И вдруг — словно открылась какая-то старая тяжёлая дверь, из которой хлынул яркий свет... Он вспомнил её руку — детскую, тонкую, с обкусанными ногтями. Она тянулась к нему. Ветви яблони смыкались за её спиной, и там был кто-то ещё... Огромные глаза, похожие на блюдца, наполненные зелёным светом. Аделина кричала что-то — но он не слышал, что... Он только видел, как побелели её веснушки... А он уже бежал.

Ноги сами несли его прочь. Что-то внутри — древнее, звериное, сильнее его воли — бросило его вперёд. Он хотел обернуться — и не мог. Хотел закричать — но горло сжалось, будто чужая рука сомкнулась на шее. Его тело спасалось. Тело предавало его. А душа осталась там, в саду, рядом с ней. Навсегда.

Пьера трясло. По щекам лились слёзы.

— Я бросил тебя, — стучало в висках. — ...и убежал, — кричал он в пустоту, и эхо стен отвечало ему: — Бросил... бросил...

Я хотел вернуться....

— «Вернуться, вернуться, вернуться», — отвечали стены...

— Клянусь, я хотел. Но тело не слушалось. Оно бежало и бежало, пока сад не исчез, пока крик не стих, пока я не упал и не уткнулся в землю за оградой...

— А потом был этот звук — скрежет закрывающихся ворот... и я понял: всё кончено....

Он перевёл дыхание и прижал ладонь к камню.

— Я не знаю, что с тобой стало. Не знаю, жива ли ты. Но каждое утро я просыпаюсь от этого звука — ворота закрываются.

И снова он так ясно и так близко увидел её лицо в веснушках, и услышал, как она произносит его имя...

— Прости...

Тишина сгустилась. А потом тонкая трещина обвела его ладонь — как слепок. На стене, прямо под его пальцами, проступило слово — неровное, будто написанное дрожащей рукой:

Пьер...

И всё.

Он опустился на деревянный пол.

Гул.

Тишина.

*

Пьер не слышал ни шагов, ни дыхания. Не видел, как возле хижины, совсем рядом, загорелись зелёные огоньки. Они светились, как две луны, упавшие в траву. И смотрели на спящего. На его руки, всё ещё сжатые в кулаки. На мокрую дорожку, бегущую по щеке. На гвоздь, выпавший из приоткрытого рта и лежа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.